

Трансформация коммуникативных технологий в условиях цифрового общества: благо или зло?

*Ветренко И. А. *, Штриков С. А.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *Vetrenko-IA@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрен процесс трансформации коммуникативных технологий в условиях влияния на них цифровизации, которая сегодня сформировала смысл существования самого социума, сделав из него цифровое общество. Авторы содержательно разделяют понятия «информационное общество» и «цифровое общество», демонстрируя при этом как они влияют на каналы, формы и способы коммуникаций между отдельными людьми и социальными институтами. В работе дан подробный анализ современных коммуникативных технологий и выявлена их природа. Рассмотрение этого аспекта через призму этической оценки: благо или зло, позволяет расширить исследовательские границы и показать все составляющие коммуникационного процесса в современных условиях. Методологической основой работы является анализ существующих коммуникационных практик в условиях цифровой реальности. На основе анализа выявлены позитивные и негативные факторы, повлиявшие на трансформацию коммуникативных технологий в современном обществе на примере органов государственной власти. Трансформация коммуникативных технологий способна привести к трансформации самого государства и каналов реализации им властных отношений, этот вывод сделан в статье на основе рассмотрения систем политического управления на разных этапах их развития.

Ключевые слова: цифровое общество, информационное общество, коммуникативные технологии, большие данные, цифровая экономика, цифровое государство

Для цитирования: Ветренко И. А., Штриков С. А. Трансформация коммуникативных технологий в условиях цифрового общества: благо или зло? // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 54–64.

Transformation of Communication Technologies in a Digital Society: Good or Evil?

Inna A. Vetrenko, Sergey A. Shtrikov*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *Vetrenko-IA@ranepa.ru

ABSTRACT

This article examines the process of transformation of communication technologies under the influence of digitalization, which today has formed the meaning of the existence of society itself, making it a digital society. The authors meaningfully separate the concepts of “information society” and “digital society”, while demonstrating how they affect the channels, forms and methods of communication between individuals and social institutions. The paper provides a detailed analysis of modern communication technologies and reveals their nature. Considering this aspect through the prism of ethical evaluation: good or evil, allows you to expand research boundaries and show all the components of the communication process in modern conditions. The methodological basis of the work is the analysis of existing communication practices in the conditions of digital reality. On the basis of the analysis, positive and negative factors that influenced the transformation of communication technologies in modern society are identified by the example of public authorities. The transformation of communication tech-

nologies can lead to the transformation of the state itself and the channels of its implementation of power relations, this conclusion is made in the article based on the consideration of political management systems at different stages of their development.

Keywords: digital society, information society, communication technologies, big data, digital economy, digital state

For citing: Vetrenko I.A., Shtrikov S.A. Transformation of communication technologies in a digital society: good or evil? // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 54–64.

Процесс цифровизации и его последствия в виде формирования новых коммуникационных каналов для общественных и государственных институтов являются самыми распространенными парадигмами и маркерами социальных изменений в современном мире. Причина этого кроется в том, что данный процесс в корне меняет весь коммуникационный процесс в обществе. С одной стороны, делает его более простым и доступным, а с другой — безличным и чрезмерно технологичным (см., например, [5; 8; 12; 16; 17; 20 и др.]). Все это позволяет констатировать тот факт, что мы живем в цифровом обществе.

В свою очередь, под цифровым мы понимаем общество, которое воспроизводит себя при помощи цифровых решений и технологий, к которым относятся алгоритмические системы обработки информации, кибербезопасность, искусственный интеллект и другие, а базовой формой и площадкой организации и социальной коммуникации являются сетевые структуры и платформы.

Сегодня коммуникационный процесс вообще и в отдельных отраслях — в частности способен интегрировать в себе месседжи из разных источников и кодировать их, в рамках цифровизации это представляется крайне важным. В силу того что «конструирование смыслов и значений, а также их обработка в формате кодирования происходит в человеческом сознании и зависит от потоков информации, передающихся через сети, то власть принадлежит коммуникационным сетям и их владельцам»¹. Об этом пишет и М. Кастельс в своей работе, которая стала классикой в этой сфере [4]. Когда цифровые следы человека, к которым относятся операции по кредитным картам, информация о финансовых операциях, телефонных звонках, сообщениях, о любой компьютерной активности, поисковые запросы, переписка по электронной почте, общение в соцсетях являются связанными в единой коммуникативной среде, то «цифровое наблюдение становится обязательным ее элементом. В свою очередь такие условия для осуществления тотального цифрового надзора определяют особенность проявления власти в цифровом обществе»². На наш взгляд, это является самой уязвимой частью процесса цифровизации, поскольку сразу всплывают правовые и этические аспекты этого процесса.

В мировой практике уже есть прецеденты решения этого вопроса, речь идет о системе социального кредита (ССК или SCS), созданного в рамках системы государственного регулирования использования больших данных в Китайской Народной Республике (КНР). Поскольку ССК становится частью государственной системы управления всем Китаем, постольку она обязана соответствовать идеологии китайского менеджмента, которая сложилась исторически.

В китайской же этике, пронизанной конфуцианством, отношения между управляющим и управляемыми основываются на таких принципах: сыновнее почтение в семье, уважение и верность лидеру и при этом отеческая забота, а также добродетельность и справедливость управленческих решений. Баланс этического (спра-

¹ Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 115.

² Там же.

ведливого) и коммуникативного (информационного) плана достигается за счет китайского менталитета, в основе которого лежат исторический опыт и национальная философия.

Если проанализировать основные принципы ССК, то становится очевидным, что эта система позволяет реализовать на практике принцип середины пути¹:

- соблюдение необходимой умеренности и неприятия двух крайностей — избытка и недостатка;
- осуждение всякой крайности и стремлении к полноценной, открытой, не имеющей темных секретов жизни от окружающих;
- усиление справедливости, когда не чиновники или соседи, а искусственный интеллект оценивает проступки и выносит суждения, свободные от предвзятости и односторонности;
- выработка усредненных норм и ценностей, приемлемых для широких слоев населения;
- отказ от чрезмерной и неплотдотворной регламентации всех сторон жизни китайцев, администрирования и зависимости жизни простых людей от возможного произвола чиновников, не выполняющих партийные указания и не следующих курсу китайской мечты [7, с. 168].

В научном контексте до сих пор остается много вопросов, связанных с такими понятиями, как «информационное общество» и «цифровое общество». Одни исследователи считают, что это практически синонимы, другие же утверждают, что это два совершенно разных этапа развития общества. В рамках данной статьи мы ставим перед собой задачу рассмотреть коммуникационные различия в этих двух состояниях общества.

Исследователи, рассматривая понятие «информационное общество», часто отмечают, что это общество совершенно нового типа, в его основу положено взрывное развитие и конвергенция информационных и телекоммуникационных технологий [15]; это общество знания, в котором главным условием благополучия каждого человека и каждого государства становится знание, полученное благодаря беспрепятственному доступу к информации и умению с ней работать; это глобальное общество, в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ; где с помощью научной обработки данных и поддержки знания будут приниматься более продуманные и обоснованные решения с целью улучшения качества жизни во всех ее аспектах [13].

Во всех развитых странах использование информационно-коммуникационных технологий получает все большее распространение. Это можно увидеть через наличие таких проектов, как электронное голосование, электронное правительство, полная информационная открытость, электронная демократия и многое другое.

Накопленная и систематизированная информация постепенно переходит к процессу ее автоматического сбора и хранения, который ведет к ее оцифровке и использованию в управлении общественными процессами. Сегодня во многих странах мира данные и информация становятся не просто определяющими факторами промышленного производства, но и развития всего государства — в плане всего спектра социальных, экономических, культурных и политических отношений. Алгоритм формирования цифрового общества таков: цифровая экономика, с нее все начинается, и она есть базис, затем цифровое государство, т.е. переход цифрового контента в систему госуправления и предоставления услуг. Сегодня процесс формирования цифровой экономики в приоритете у таких стран-экономических форвардов, как США, Великобритания, Германия, Япония, Франция и Китай. Для стран — лиде-

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://narzur.ru/dukhovnoe-vozhrozhdenie-kitaja-na-fone-rasche-lovchivaniya-i-vymiraniya-naroda-rossii/> (дата обращения: 12.07.2022).

ров цифровизации характерен эволюционный процесс перехода к новому типу развития и преемственность приоритетов, от «построения базовой информационно-коммуникационной инфраструктуры до формирования скоординированной политики в этой сфере и программ поддержки повсеместного внедрения цифровых технологий» [9]. Рост количества коммуникативных транзакций, их динамика, объем и требования к их качеству принимают массовый, можно сказать, критический характер.

Об исторических причинах коммуникативных трансформаций в своей работе подробно пишет Д. Белл, который среди главных требований информационного общества выделял доступ к информации, умение с ней работать, а также защиту информации и информационную безопасность. Профессионализм работников именно в работе с информацией, по мнению Белла, является основанием их статусного развития и профессионального роста. На этой основе Белл предсказывал рост спроса на квалифицированные кадры с высшим образованием в сфере сбора и обработки информации, т. е. фактически он говорит о компетенциях в сфере социального инжиниринга, который сегодня является очень популярным. Важным атрибутом информационного общества Белл называл экспертный совет, в обязанности которого входили направления развития той или иной организации и разработка рекомендаций на базе авторитетных знаний [11, с. 574–579].

Как мы уже отмечали ранее в своих работах, «М. Порат среди атрибутов информационного общества выделял информационный капитал, к которому относил в основном материальную атрибутику (компьютеры, калькуляторы, терминалы, копии), и информационных работников — исследователей, инженеров, проектировщиков, менеджеров, юристов — то есть всех тех, кому платят за создание знаний, разработку идей и обработку информации. Многие отечественные исследователи информационного общества выделяют вовлеченность людей в процессы управления, их нематериальную заинтересованность, а также потенцию к риску» [10, с. 63; 18].

В своей статье мы также отмечали важность информатизации для системы государственного и публичного политического управления. Так, «в контексте данных условий вопрос об эффективности распространения информации имеет важнейшее значение для политического управления [3, с. 132], поскольку одна из основных задач, которые преследует современное государство в условиях информационного общества или стремления к нему, заключается в построении систем коммуникации, обеспечивающих диалог властных структур и общества с целью придания легитимности власти и стабильности общественного развития [19, с. 64]. Согласно ряду важнейших международных конвенций, положенных в основу стратегического развития многих стран (США, Франции, Финляндии, Японии и др.), повсеместная цифровизация может и должна развиваться только в условиях грамотной и продуманной коммуникационной политики органов государственной власти [15, с. 50]. Признание формирования общества знаний и информационной экономики как общественного интереса, то есть интереса, разделяемого различными социальными группами, предполагает наличие определенных характеристик коммуникационной системы, а именно, что регулятивное вмешательство государства, надзор за коммуникацией и ее целенаправленное формирование в той или иной форме возможны и желательны [19, с. 198]. Общественный интерес, как правило, понимается как главный ориентир для принятия решений политиками, а также как главный критерий, по которому оценивается политика. Поэтому коммуникационная политика и ее формирование в обществе знаний представляет собой стратегический выбор государства в ответ на нестабильность международной среды, вызовы исторического развития и возможные технологические, экологические и социальные угрозы» [10].

Концепция М. Кастельса и его последователей во многом опирается на рассуждения Ю. Хабермаса о том, что коммуникационные сети являются основой

институциональной стабильности социальной системы только в том случае, если они позволяют развивать интересы и ценности различных социальных групп. Если же напротив «государство вторгается в публичную сферу от имени специфических интересов, превалирующих в государстве, оно вызывает кризис легитимности, потому что разоблачает себя как инструмент доминирования вместо того, чтобы быть институтом представительства» [4, с. 57]. Поскольку в условиях информационного общества потоки коммуникаций существенно усиливаются, то конфликты интересов и ценностей становятся очевидными как никогда раньше. При этом «институты и парайнституты государства (например, религиозные институты, университеты, образованные элиты, в некоторой степени медиа) являются основными источниками этих дискурсов» [4, с. 37].

Одной из главных особенностей информационного общества сегодня, как мы отмечали ранее, «является трансформация сферы коммуникаций, представляющей собой публичное пространство когнитивного характера, то есть пространство, в котором сознание людей получает информацию и формирует свои взгляды путем обработки сигналов от общества в целом. Трансформация — основной постулат коммуникационной теории власти, которая, в отличие от других теорий политической и социальной коммуникации, исходит из принятия информационного общества не как цели, а как данности — то есть объективной реальности, в которой мы живем уже сегодня. Сквозь призму призму коммуникационного воздействия, современное общество представляет собой социальную структуру, основанную на сетях, управляемых информационно-коммуникационными технологиями, основанных на микроэлектронике и цифровых компьютерных сетях, которые генерируют, обрабатывают и распространяют информацию на основе знаний, накопленных различными индивидами и социальными группами» [10, с. 66]. Коммуникационные сети, по Кастельсу, Монге и Контрактору, это «паттерны контактов, которые создаются с помощью потока сообщений между коммуникаторами в пространстве и времени <...> сети производят потоки. Потоки представляют собой движение информации между узлами, циркулирующее по каналам связи между узлами <...> Сотрудничество основывается на способности сетей коммуницировать между собой» [14, с. 7].

Мы рассматривали данный аспект на основе электронного правительства ранее, «оно имеет уже довольно долгую и успешную историю развития, его стандартные технологии (сайты органов власти, электронные приемные) не обладают достаточной мобильностью и респонсивностью. Поэтому распространение так называемой самонаправленной массовой коммуникации [1, с. 13]: социальных сетей, блогов, влогов (видеоблогов), микроблогов, потоковой передачи данных и других интерактивных форм компьютерной связи — получает столь активное распространение в том числе и в работе органов государственного управления. Благодаря своим техническим особенностям социальные сети и блоги становятся удобными коммуникативными инструментами, в которых может участвовать множество коммуникационных агентов одновременно [6, с. 224]. Использование этих новых инструментов коммуникационной политики позволяет осуществлять коммуникации в реальном времени без существенных затрат на отправку, доставку и получение сообщения» [10].

Сегодня можно выделить два сложившихся подхода к организации коммуникации в цифровом пространстве. Некоторые органы власти и бизнес-корпорации определяют цифровизацию и коммуникативный процесс в ее рамках в самостоятельное направление в рамках бизнес-процессов организации, при этом другие пытаются совмещать цифровые технологии с реальными (живыми) коммуникационными процессами. Если провести анализ каждого из этих подходов, то можно выделить их сильные и слабые стороны. Так, в большинстве торговых предприятий предпочитают второй подход. Безусловно, «цифровые коммуникации не противоречат ос-

новам маркетинга, хотя вносят свои особые инструменты в маркетинг-микс»¹. Нам представляется неэффективным иметь два отдельных отдела и плана деятельности, один из которых отвечает за живой процесс коммуникации, а другой — за онлайн-общение. Еще менее эффективно это выглядит для органов власти, которые систематически упрекают в раздутости штата и задвоивании функционала, чрезмерной бюрократичности.

Мы уже констатировали, что «самонаправленная массовая коммуникация является массовой коммуникацией, потому что она распространяется через интернет и потенциально может достигать всей планеты. В то же время она является самонаправленной, поскольку зачастую инициируется отдельными лицами или группами лиц самостоятельно, в обход конгломератов медийного бизнеса и менее крупных агентов медийной системы. Самонаправленная массовая коммуникация создает новую систему глобальных, горизонтальных сетей связи, которая впервые в истории позволяет людям интенсивно и массово общаться друг с другом так, что их сообщения не проходят по каналам, созданным институтами государства и общества для социализированной и регулируемой коммуникации» [10, с. 66–67].

Схематичное отображение изменений в коммуникационной системе выглядит следующим образом, как показано на рисунке.

Как видно из схемы, если в традиционной модели коммуникаций центральной точкой ее реализации был код (который в том числе транслировался органами

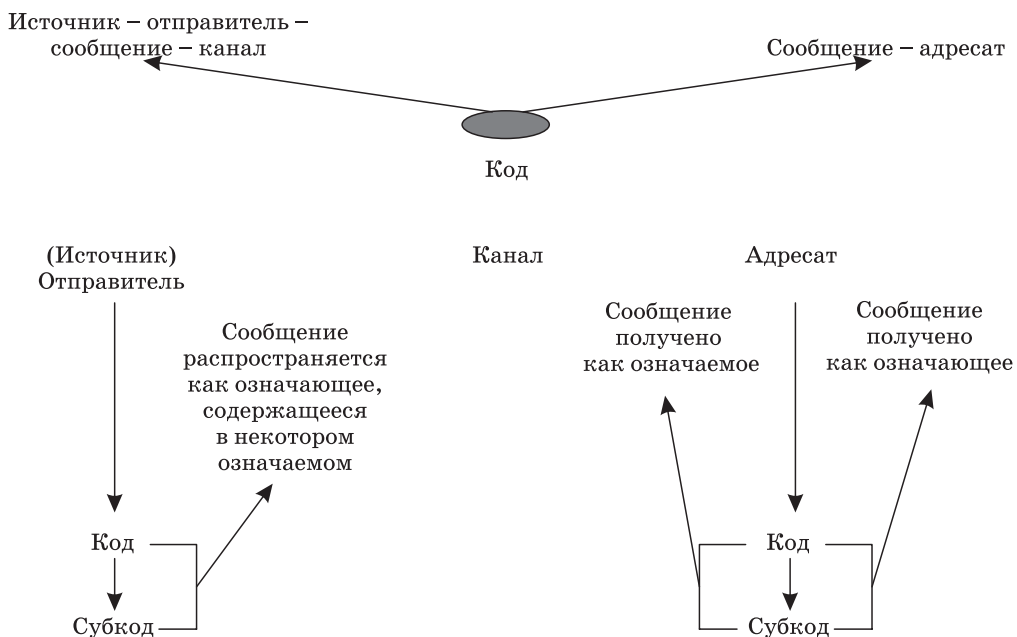

Рис. Схематическое изображение коммуникативного процесса.

В верхней части традиционная модель, в нижней части перестроенная модель
Fig. Schematic representation of a communication process. At the top of the traditional model, at the bottom of the rebuilt model

Источник: [4].

¹ Федюнин Д. В., Гончарова Н. Ю. Современные особенности построения цифровых коммуникаций и их эффективность // Практический маркетинг. 2012. № 11 (189). С. 29.

государственной власти различным социальным группам), то в условиях самонаправленной массовой коммуникации центральную роль играет канал. Так, по мнению Кастельса, «доминирование медиапространства над сознанием людей осуществляется через фундаментальный механизм: наличие/отсутствие месседжа (message) в медиапространстве. Все или все, что отсутствует в этом пространстве, не может попасть в общественное сознание, поэтому оно становится единым целым. Этот “двоичный” (либо да, либо нет) характер современной массовой коммуникации имеет критическое значение для развития коммуникативной политики государства. Кроме того, социальные сети, в отличие от текущего, все еще во многом доминирующего, но обреченного на смену основного инструмента массовой коммуникации — телевидения, — продуцируют метафоры, а не образы» [14, с. 16].

Органы государственной власти в этой коммуникационной системе в каждый конкретный момент времени, при решении каждой задачи имеют дело не с одним, а с множеством коммуникационных каналов, постоянно развивающихся и пересекающихся в формате самонаправленной коммуникации. Различные группы стейкхолдеров могут предпочитать различные информационные каналы, а также развивать свою собственную коммуникационную систему, мониторинг которой также входит в задачи коммуникационной политики органов власти.

Изменение коммуникационной политики в ответ на трансформации коммуникативных практик в современном обществе способно привести к развитию нового типа государства — сетевого государства, которое характеризуется «разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления, подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предшествующей формой национального государства» [4, с. 58]. При этом сущность государства не меняется — его трактовка в концепции Кастельса достаточно стандартная: «под государством я понимаю институты управления обществом и их институциональные органы политической репрезентации, управления и контроля социальной жизни; таковы исполнительная, законодательная и судебная власть, государственное управление, вооруженные силы, правоохранительные органы, надзорные органы и политические партии на разных уровнях правления: национальном, региональном, локальном и международном» [4, с. 56–57]. Таким образом, изменение коммуникационной политики носит не системно-революционный, а структурно-содержательный характер. Не изменяя сути государственного устройства, коммуникационная политика органов государственной власти становится связующим элементом между государством и обществом нового типа.

Миссией трансформации коммуникационной политики органов государственной власти является изменение формы государственного взаимодействия с обществом таким образом, чтобы оно органично соответствовало неизбежным социальным тенденциям. Таким образом, к основным доминантам трансформации государственной коммуникационной политики в условиях информационного общества относятся содержательные изменения принципов организации коммуникационных каналов с учетом активного распространения самонаправленной массовой коммуникации в современном обществе. В ситуации, когда ни один предложенный властью коммуникационный канал не может быть доминирующим для стейкхолдеров той или иной проблемы, задачи или ситуации, сохранение сложившейся линейной модели коммуникации невозможно. Переизбыток информации, характерный для современного информационного общества, приводит к настолько сильной диверсификации интересов индивидов, что значимые социальные институты — такие, как политика или государственная власть — перестают входить в сферу рутинных интересов среднестатистического российского интернет-пользователя. Поэтому перед трансформацией коммуникационной политики органов государственной власти стоят более глобальные задачи.

Сегодня коммуникационная политика представляет собой одну из основ развития организации любого типа, начиная небольшой фирмой и заканчивая целым государством. В XXI в. развитие интернет-технологий существенно изменило коммуникационную матрицу «галактики Маклюэна». Интернет — ключевая единица современной коммуникативной системы — активно вытесняет телевидение и другие способы электронной коммуникации, трансформируя информационно-коммуникативное поле и создавая новые общественные институты. Классическая и наиболее популярная в литературе схема коммуникационного процесса, предложенная Лассуэлом, претерпевает все большие изменения, связанные с трансформациями не только пяти элементов коммуникационного процесса — коммуникатора, канала, сообщения, получателя и последствия (ответа), — но и усложняющейся социальной среды, которую характеризует высокий уровень переизбытка информации и информационного шума. Кастельс подчеркивает, что современная коммуникация — это «коллективное использование смыслов в процессе обмена информацией. Процесс коммуникации определяется технологией коммуникации, характеристиками отправителей и получателей информации, их культурными кодами и протоколами коммуникации, а также рамками коммуникационного процесса. Значение может быть понято только в контексте социальных отношений, в которых происходят процессы обмена информацией и коммуникации» [4, с. 73].

Несмотря на то, что государство как «тотальная» организация, так или иначе регулирующая все сферы деятельности людей, обладает высоким уровнем консерватизма и даже закрытости, новые веяния информационных трансформаций все больше касаются и его. Использование новейших коммуникационных технологий превращается в отдельную строку бюджета государственных организаций; общественные приемные уступают место виртуальным; задача государственного имиджа решается во многом эффективным использованием государственных коммуникационных ресурсов; метаинформационные системы государственного регулирования общественных процессов — система обязательного единого государственного экзамена в образовании или практика медицинского скрининга в здравоохранении — внедряются на общегосударственном уровне в разных странах мира, в том числе и в России. В отличие от предыдущих этапов развития коммуникативных систем, активное распространение интернет-технологий позволяет организовать массовую двустороннюю коммуникацию между гражданами и государственными институтами.

Поскольку мы определили для себя критический подход в качестве основного для анализа процесса коммуникаций в цифровом обществе, постольку отметим негативное влияние цифровизации на коммуникационный процесс. Так, проведенные ранее эмпирические исследования [2] выявили отрицательные эффекты влияния цифровых коммуникаций. Со ссылкой на данные исследования приведем отрицательные эффекты: эффект когнитивной редукции, он состоит в некритическом отношении к интернет-контенту; отсутствии навыка отбора качественной и достоверной информации в глобальной сети; неспособности к работе с большими массивами данных; явлении информационной перегрузки; усложнении поиска данных, релевантных задачам; формировании фрагментарности сознания; несистемности видения явлений (феномене концентрации внимания на деталях в ущерб видения общей картины). Эффект цифрового алармизма и игромании, которые проявляются в несформированности навыков управления рисками интернет-коммуникации; подверженности манипуляции массовым сознанием в новых медиа; явлении перевода фокуса внимания в виртуальную среду и уходе от объективной реальности; отрицательном влиянии платных онлайн-курсов низкого качества; негативном эффекте распространения псевдонаучных знаний и сложности их верификации; онлайн игровой зависимости и неспособности отличить реальность от виртуального пространства. Эффект коммуникативной деструкции состоит в потере навыков меж-

личностных деловых коммуникаций; снижении авторитетности и понимания служебной иерархии; снижении глубины коммуникации и неразвитости эмоционального интеллекта. Эффект атрофии профессиональной среды, норм и ценностей заключается в неспособности к выстраиванию долгосрочных отношений в профессиональной сфере; пустой трате рабочего времени в социальных сетях. И наконец, эффект навязывания «цифровизации» как неизбежного феномена состоит в обязательном требовании использования новых современных гаджетов, программного обеспечения и т. д. как элемента престижа работника в организации; подмене истинных профессиональных качеств владением новейшими цифровыми инструментами [2, с. 16–17].

Изменение сути коммуникативных процессов, происходящих в цифровом обществе, должно быть так или иначе поддержано трансформацией коммуникационной политики органов государственной власти — и эта трансформация действительно происходит сегодня в том числе и в России. Основные изменения касаются организационно-структурного оформления коммуникационной политики: в структуру задач отдела или службы по связям с общественностью практически всегда включаются медиаполитика, работа с интернет-технологиями. Однако, как показывает теоретический анализ, таких организационно-структурных изменений недостаточно. Простое «добавление» мультимедиа-отделов в структуры связей с общественностью органов государственной власти неспособно перестроить коммуникационную политику в русле глобальных изменений. Перед российской коммуникационной политикой сегодня стоят более глубокие задачи, которые вызвала цифровая трансформация, решение их позволит достичь баланс между тремя главными составляющими: информацией, коммуникацией и цифровизацией.

Литература

1. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1460022404_4158.pdf (дата обращения: 20.05.2022).
2. Евгеньева Т. В., Усманова З. Р. Особенности влияния цифровых коммуникаций на профессиональную культуру и адаптацию студентов социально-политических специальностей // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. № 6. С. 12–18.
3. Ершова Г. Г. Антропосистема: коммуникативные модели и регулируемая интеграция // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 4. С. 11–25.
4. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : Изд. дом ВШЭ, 2016. 564 с.
5. Матвеев А. С. Коммуникационная природа социального управления // Философия и культура. 2013. № 5. С. 643–649.
6. Филатова О. Г., Шабанова Е. С. Публичные коммуникации органов государственной власти РФ в пространстве Веб 2.0: анализ блогов и социальных сетей // Интернет и современное общество. Труды XIV Всероссийской объединенной конференции. СПб., 2011. С. 220–224.
7. Цифровизация общества и система социального кредита: проблемы, перспективы: монография / колл. авт. ; науч. ред. И. А. Ветренко. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. 352 с.
8. Чернышев А. И. Необходимость применения современных электронных коммуникаций органами государственной власти в России // Социодинамика. 2014. № 8. С. 132–138.
9. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение : докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 210 с.
10. Штриков С. А. Управленческое проектирование коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества // Управленческое консультирование. 2019. № 11 (131). С. 57–69.
11. Bell D. The Coming of the Post-Industrial Society. The Educational Forum. 1976. № 40 (4). 580 с.

12. Gillespie T. *Wired Shut: Copyright and the Shape of Digital Culture*. Cambridge, MA : MIT Press, 2007.
13. Drahos P., Braithwaite J. *Information feudalism: who owns the knowledge economy?* NY : New Press, 2002.
14. Castells M., Cardoso G. *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington DC: Center for Transatlantic Relations, 2006. 310 c.
15. Crozier M. *Recursive Governance: Contemporary Political Communication and Public Policy*, Political Communication. 2007. № 24 (1). С. 1–18.
16. Martin W. *The global information society*. Aldershot : Gower, 1995.
17. Monge P., Contractor N.S. *Theories of communication networks*. Oxford : Oxford University Press, 2003. 160 c.
18. Porat M.U. *Global Implications of An Information Society*. Journal of Communication. 1978. № 28 (1). С. 70–80.
19. Raboy M., Landry N., Shtern J. *Digital Solidarities, Communication Policy and Multi-Stakeholder Global Governance*. NY : Peter Lang, 2010. 200 c.
20. Sivarajah U., Weerakkody V., Waller P., Lee H. *at al*. The role of e-participation and open data in evidence-based policy decision making in local government // Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce. 2016. № 26 (1–2). С. 64–79.

Об авторах:

Ветренко Инна Александровна, заведующий кафедрой социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; Vetrenko-IA@ranepa.ru

Штриков Сергей Анатольевич, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); shtrikov_sa@cnrg-group.com

References

1. Bykov I.A. *Network political communication in the conditions of transformation of society: Doctoral Dissertation*. St. Petersburg, 2016 [Electronic source]. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1460022404_4158.pdf (accessed: 20.05.2022) (in Rus).
2. Evgenieva T.V., Usmanova Z.R. Features of the influence of digital communications on professional culture and adaptation of students of socio-political specialties // Humanities. Bulletin of the Financial University [Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta]. 2018. N 6. P. 12–18 (in Rus).
3. Ershova G.G. Anthroposystem: communicative models and regulated integration // Historical Journal: scientific research [Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya]. 2012. N 4. P. 11–25 (in Rus).
4. Castels M. *The power of communication*. M. : Publishing House of the HSE, 2016. 564 p. (in Rus).
5. Matveev A.S. The communicative nature of social management // Philosophy and Culture [Filosofiya i kul'tura]. 2013. N 5. P. 643–649 (in Rus).
6. Filatova O.G., Shabanova E.S. Public communications of state authorities of the Russian Federation in the Web 2.0 space: analysis of blogs and social networks // The Internet and modern society. Proceedings of the XIV All-Russian Joint Conference. St. Petersburg, 2011. P. 220–224 (in Rus).
7. Digitalization of society and the social credit system: problems, prospects : monograph / scientific ed. by I.A. Vetrenko. SPb. : NWIM of RANEPa, 2022. 352 p. (in Rus).
8. Chernyshev A.I. The need for the use of modern electronic communications by public authorities in Russia // Sociodynamics. 2014. N 8. P. 132–138 (in Rus).
9. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement: report to the XX Apr. international Scientific Conference on problems of Economic and Social development, Moscow, 9–12 Apr. 2019 / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg et al; scientific ed. L.M. Gokhberg; Higher School of Economics. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 210 p. (in Rus).
10. Shtrikov S.A. Managerial design of communication policy of public authorities of the subjects of the Russian Federation in the conditions of approval of the information society // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 11 (131). P. 57–69 (in Rus).

11. Bell D. The Coming of the Post-Industrial Society. The Educational Forum. 1976. N 40 (4). 580 p.
12. Gillespie T. Wired Shut: Copyright and the Shape of Digital Culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.
13. Drahos P., Braithwaite J. Information feudalism: who owns the knowledge economy? NY : New Press, 2002.
14. Castells M., Cardoso G. The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington DC : Center for Transatlantic Relations, 2006. 310 p.
15. Crozier M. Recursive Governance: Contemporary Political Communication and Public Policy, Political Communication. 2007. N 24 (1). P. 1–18.
16. Martin W. The global information society. Aldershot : Gower, 1995.
17. Monge P., Contractor N. S. Theories of communication networks. Oxford : Oxford University Press, 2003. 160 p.
18. Porat M. U. Global Implications of an Information Society. Journal of Communication. 1978. N 28 (1). P. 70–80.
19. Raboy M., Landry N., Shtern J. Digital Solidarities, Communication Policy and Multi-Stakeholder Global Governance. 2010. NY : Peter Lang. 200 p.
20. Sivarajah U., Weerakkody V., Waller P., Lee H. at al. The role of e-participation and open data in evidence-based policy decision making in local government // Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce. 2016. N 26 (1–2). P. 64–79.

About the authors:

Inna A. Vetrenko, Doctor of Science (Political Sciences), Professor, Head of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); Vetrenko-IA@ranepa.ru

Sergey A. Shtrikov, Applicant of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); shtrikov_sa@cnrg-group.com